

Реминисцентный характер перифразы «на берегах Невы» в мемуарах Ирины Одоевцевой

Карина Алеговна Жулькова, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Россия, Москва), zhulkova.karina@mail.ru

Виктория Валерьевна Никульцева, Московский финансово-юридический университет МФЮА (Россия, Москва), severjanin@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170024710-0

АННОТАЦИЯ: В статье подчеркивается реминисцентный характер номинативной перифразы «на берегах Невы», обращается внимание на то, что в названии мемуаров, в эпиграфе, в предисловии и в заключении русская поэтесса, прозаик И. Одоевцева, используя ономастическую перифразу не в ивановской версии («на берегу»), не в пушкинском книжном звучании с неполногласной лексемой («на брегах»), а в полногласном («на берегах»), делает ее более светской и расширяет не только пространство города, но и литературный контекст. Так, автор воспоминаний отсылает читателя к большому количеству поэтических произведений XIX и XX вв. («Евгений Онегин», «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») А. Пушкина, «Январский день. На берегу Невы...» Г. Иванова, «Кассандра» О. Мандельштама, «Элегия» А. Ладинского, «14 декабря 1918 года» З. Гиппиус, «К моей родине. Элегия» П. Плетнёва и др.), в совокупности образующих *петербургский текст* русской литературы. Перифраза «на берегах Невы» становится функциональным стилистическим приемом, своеобразной меткой, сообщая дополнительные аллюзии воспоминаниям Одоевцевой, в которых послереволюционный Петроград предстает не столько городом исторических потрясений, сколько центром русской культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: И. Одоевцева, А. Пушкин, Г. Иванов, ономастическая перифраза, «на берегах Невы», петербургский текст, реминисценция, поэтическая семантика

для цитирования: Жулькова К. А., Никульцева В. В. Реминисцентный характер перифразы «на берегах Невы» в мемуарах Ирины Одоевцевой // Русская речь. 2023. № 1. С. 114–127. DOI: 10.31857/S013161170024710-0.

The Language of Fiction

The Reminiscence of the Periphrasis “On the Banks of the Neva” in the Memoirs of Irina Odoevtseva

---

Karina A. Zhulkova, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), zhulkova.karina@mail.ru

Victoria V. Nikultseva, Moscow University of Finance and Law MFUA (Russia, Moscow), severjanin@list.ru

---

ABSTRACT: The article emphasizes the reminiscent nature of the nominative periphrasis “on the banks” (rus. — na beregah) and draws attention to the fact that the onomastic periphrasis that Russian poetess and prose writer Odoevtseva uses in the title, in the epigraph, in the preface as well as in the conclusion of her memoirs, is not used as in Ivanov’s version “on the shore” (rus. — na **beregu**) and not in the Pushkin’s bookish version “on the rivages” with the incomplete-vowel lexeme (rus. — na **bregah**), but in the full-vowel (rus. — na **beregah**). That makes it more secular and expands not only the urban place of the city described in the memoirs, but also the literary context.

Thereby, the author of the memoirs refers to a great range of poetic works of XIX and XX centuries (“Eugene Onegin”, “October 19” (“The forest drops its crimson dress ...”) by A. Pushkin, “January day. On the banks of the Neva ...” by G. Ivanov, “Cassandra” by O. Mandelstam, “Elegy” by A. Ladinsky, “December 14, 1918” by Z. Gippius, “To my homeland. Elegy”

by P. Pletnev, etc.), which establish a special style characteristic of the literature of St. Petersburg.

The periphrasis “on the banks of the Neva” becomes a functional stylistic device and a distinctive feature that gives additional allusions to Odoevtseva’s memoirs, in which the post-revolutionary Petrograd (formerly name of St. Petersburg) is presented as the centre of Russian culture rather than a city of historical upheaval.

KEYWORDS: I. Odoevtseva, A. Pushkin, G. Ivanov, onomastic periphrase, “on the banks of the Neva”, St. Petersburg text, reminiscence, poetic semantics

FOR CITATION: Zhulkova K. A., Nikultseva V. V. The Reminiscence of the Periphrasis “On the Banks of the Neva” in the Memoirs of Irina Odoevtseva. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 114–127. DOI: 10.31857/S013161170024710-0.

И

рина Владимировна Одоевцева¹ — русская поэтесса, прозаик, родилась на берегах Даугавы в Риге, однако свои воспоминания связала с другими берегами. Первая часть мемуарной трилогии — «На берегах Невы» (1967) — представляет культурную жизнь Петрограда конца 1910-х — начала 1920-х годов, вторая — «На берегах Сены» (1978–1981) — посвящена русской эмиграции в Париже, третья — недописанная, названная «На берегах Леты» (1990), «так как, сами понимаете, дальше этих берегов уже ничего не бывает», — должна была стать «справочником, подспорьем в работе для новых поколений» [Радашкевич 1990] исследователей, изучающих литературу Серебряного века.

Устойчивая перифраза, созданная по модели берега (брега) + собственное имя водного объекта, фигурирующая в заглавии каждой из мемуарных книг Одоевцевой, применялась многими русскими поэтами, в том числе А. С. Пушкиным. По замечанию В. М. Калинин, «Пушкин для обозначения поэтического топоса часто использовал сочетания со словом “берег”, в том числе словосочетания, созданные по модели берег (брег) / берега (брега) + собственное имя водного объекта или объекта, омываемого водой, как реального, так и мифического: невские берега, берега Невы, брега Невы (о Петербурге); берега Салгира, брега Салгира, брега Тавриды (о Крыме); брега Коцита, брега Леты, Стигийский брег (о загробном мире); брег парнасских вод (о Парнасе)» [Калинкин 2018: 6].

¹ Настоящее имя Ираида Густавовна Гейнике (1895–1990).

Название первой части мемуаров Одоевцевой немедленно отсылает читателя к хрестоматийным пушкинским строкам:

*Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель* [Пушкин 1975: 8].

Ономастическая перифраза «на берегах Невы», обозначая Петербург, сообщает дополнительные аллюзии воспоминаниям Одоевцевой, в которых послереволюционный Петроград предстает не столько городом исторических потрясений, сколько столицей² русской литературы, центром напряженной духовной жизни. Впоследствии Париж станет преемником Петрограда, наследником старой русской культуры в эмиграции. Именно поэтому особое значение приобретают для мемуаристики последние строки упомянутой онегинской строфы:

*Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня* [Пушкин 1975: 8].

Намек поэта на вынужденный отъезд из столицы в южную ссылку иронично коррелирует с судьбой самой мемуаристики и многих из тех, чьи литературные портреты она создает в своих воспоминаниях.

Аллюзивно связывается с книгой Одоевцевой и другая пушкинская строфа (гл. III, строфа XXII), в которой встречается словосочетание «на берегах Невы»:

*Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;
<...>
Над их бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.
Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада.
Быть может, на берегах Невы
Подобных дам видали вы* [Пушкин 1975: 56].

Интересно, что выражение «оставь надежду навсегда» — пушкинская интерпретация знаменитой надписи над входом в ад из поэмы А. Данте «Божественная комедия»: «Оставь надежду, всяк сюда входящий» («Оставьте

² 11 марта 1918 г. большевики перенесли столицу в Москву.

всякую надежду, входящие сюда», буквальный перевод с итальянского «*Lasciate ogne speranza, voi ch'entrate*») («Ад», песнь 3, строфа 9) — стало названием послевоенного романа Одоевцевой³. Избрав для повествования о жизни советской России 1930-х годов дантовские строки, писательница воспользовалась не буквальным переводом с итальянского, не переводом оставшегося в СССР поэта-акмеиста М. Л. Лозинского («*Входящие, оставьте упованья*») или писателя русского зарубежья Б. К. Зайцева («*Оставьте всякую надежду вы, входящие!*»), а именно пушкинской строкой. Но если в романе Одоевцевой «Оставь надежду навсегда» (1954) эта фраза лишена иронии, то в связи с ее мемуарами «На берегах Невы» она воспринимается как часть целого в своей первоначальной шутливой характеристике «*красавиц недоступных*». Так, номинативная перифраза «*на берегах Невы*» становится функциональным стилистическим приемом, объединяющим это пушкинское лирическое отступление с воспоминаниями Одоевцевой, являясь в данном случае неким мостиком во времени, заставляющим поискать «*подобных дам*» в Петрограде начала XX в. Причисляет ли мемуаристка себя к «*холодным, чистым, как зима*»? Думается, такой образ польстил бы ей. Несмотря на сделанное в предисловии признание в том, что она пишет воспоминания «не из эгоистического желания», «не о себе и не для себя», а о тех, кого дано было «узнать “на берегах Невы”» [Одоевцева 1988: 11], намерение «вписать себя в звездную карту петроградского поэтического небосклона» [Лекманов 2020: 9] у Одоевцевой, безусловно, было.

Являясь своеобразной меткой, перифраза «*на берегах Невы*» указывает на еще одну реминисценцию, связанную с другими хрестоматийными пушкинскими строками. В стихотворении Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») центральная тема — воспоминания. Не по своей воле оторванный от Петербурга, не имеющий возможности присутствовать на встрече лицеистов поэт создает проникнутые особой теплотой портреты своих друзей (Н. Корсакова, Ф. Матюшкина, И. Пуци-на, А. Горчакова, А. Дельвига, В. Кюхельбекера). «*Лицейский шум, лицейские забавы*», «*дух песен*», разговоры о «*Шиллере, о славе, о любви*» и люди родные «*по музе, по судьбам*» [Пушкин 1974: 37] — тревожат память, заставляют тосковать по утраченной юности и по тем, с кем разлучен на время или навсегда.

Ощущение изгнанничества, настроение, выраженное Пушкиным в эпитетах, метафорах, гиперболах, связанных с *холодом* («*Сребрит мороз увянувшее поле*», «*А ты, вино, осенней стужи друг*», «*В обители пустынных*

³ Роман «Оставь надежду навсегда» был написан ею после войны, в 1945–1946 годах, вскоре он был опубликован на французском, английском и испанском языках, первое издание на русском языке вышло в свет в 1954 г. в Нью-Йорке, и только в 1991 г. он был напечатан в журнале «Октябрь».

вьюг и хлада», «И вечный лед полуночных морей», «фортуны блеск холодный», «Невидимо склоняясь и хладея, / Мы близимся к началу своему...») [Пушкин 1974: 37–40], передано и в стихотворении супруга Одоевцевой Георгия Владимировича Иванова (1894–1958) «Январский день. На берегу Невы...» (1922)⁴, микрофрагмент которого мемуаристка выбрала в качестве эпиграфа к своим воспоминаниям.

Нельзя не заметить, как в этом стихотворении Иванова помимо *холода* («январский день», «несется ветер»), также создающего ощущение бесприютности, соединились лексемы трех вышеуказанных пушкинских строф: *блистал* (у Пушкина «или блистали, мой читатель»), *дама* (у Пушкина «подобных дам встречали вы»), на *льду* (у Пушкина «вечный лед полуночных морей»):

*Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы!
Ахматова, Паллада, Саломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году, —
Лишь призраки на петербургском льду.
Вновь соловьи засвищут в тополях
И на закате, в Павловске иль Царском,
Пройдет другая дама в соболях,
Другой влюбленный в ментике гусарском...
Но Всеволода Князева они
Не вспомнят в дорогой ему тени [Иванов 1993: 287].*

Мотив памяти / забвенья также наследуется Ивановым («Где Олечка Судейкина, увы!», «Не вспомнят в дорогой ему тени») у Пушкина («И ныне здесь, в забытой сей глуши», «Минутное забвенье горьких мук», «Опомнимся — но поздно! и уныло / Глядим назад, следов не видно там», «Он вспомнит нас»). В том же 1922 г. — переломном, связанном с расставаньем с любимым городом — появляется стихотворение Одоевцевой «Январская луна. Огромный снежный сад...», в котором звучат аналогичные мотивы:

*Как облака плывут! Как тихо под луной!
Как грустно, дорогая!
Вот этот снег, и ночь, и ветер над Невой
Я вспомню умирая⁵.*

⁴ Стихотворение перекликается с «Поэмой без героя» Ахматовой: оба поэта вспоминают Петербург 1913 года и упоминают тех же людей (Вс. Князева, Судейкину). Саломея Андроникова была подругой Ахматовой.

⁵ Здесь и далее тексты стихотворений приводятся с сайта www.culture.ru.

Спустя много лет, под «чужими небесами» составляя свои воспоминания, она предварит их эпитафией, выхватывая из стихотворения супруга только ономастическую перифразу и строчку о ветре:

На берегах Невы

Несется ветер, разрушеньем вея... [Одоевцева 1988: 10].

Одоевцева намеренно сосредоточивает внимание на двух лексемах «ветер» и «разрушенье» (возможно, «ветер» был навеян Иванову «бурей» Пушкина из того же «19 октября»: «Когда постиг меня судьбины гнев, / Для всех чужой, как сирота бездомный, / Под бурю головой поник я томной»). Это ветер перемен, ветер испытаний, пронесшийся сквозь века по всевидящему городу, в котором «блистают» уже другие люди.

В «Путеводителе по книге Ирины Одоевцевой “На берегах Невы”» О. А. Лекманов сообщает, что в 1961 г. Одоевцева становится участницей поэтического семинара, организованного Ю. П. Иваском, где разбирается стихотворение Иванова «Январский день. На берегу Невы...», в котором поэт «прощается с эпохой русской модернистской культуры, завершившейся с началом Первой мировой войны, и перечисляет имена тогдашних знаменитых петербургских “европеянок нежных” (по формуле Мандельштама) — актрисы Ольги Глебовой-Судейкиной, Анны Ахматовой, поэтессы Паллады Богдановой-Бельской, героини стихов Ахматовой и Мандельштама Саломеи Андрониковой-Гальперн, а также несчастливо влюбленного в Глебову-Судейкину поэта Всеволода Князева, служившего в гусарском полку» [Лекманов 2020: 449].

Одоевцева же, по мнению исследователя, от «ветра, разрушеньем веющего» пытается спасти время, проведенное ей в послереволюционном Петрограде — промежуток с ноября 1918 г. по лето 1922 г., — воспринимаемое ею как эпилог предшествующей эпохи. Воссоздавая атмосферу Серебряного века, связанную с захватывающими событиями и неординарными людьми, она мастерски рисует емкие художественные образы современников: Г. Иванова, Н. Гумилёва, М. Лозинского, О. Мандельштама, М. Кузмина, А. Ахматовой, А. Блока, А. Белого, А. Ремизова, Ф. Сологуба, — зримо и ярко выписывает портреты людей, с которыми связана ее юность, ее первые шаги в поэзии.

О. А. Лекманов акцентирует внимание на замене в эпитафии мемуаров Одоевцевой «единственного числа на множественное (у нее: “на берегах”; у Иванова — “на берегу”)» [Лекманов 2020: 449–450]. Однако следует отметить, что в 1958 г. при подготовке собрания сочинений, которое Иванову было обещано, поэт переработал многие тексты, в том числе «Январский день. На берегу Невы...». Стихотворение было опубликовано Юрием Терапиано в мюнхенских «Мостах» в 1961 г. Помимо субституции соот-

носителем коррелятом (*на берегу / на берегах*) в первой строке, Иванов добавил в конце еще одну строфу:

*Ни Олечки Судейкиной не вспомнят,
Ни чёрную ахматовскую шаль,
Ни с мебелью ампирной низких комнат —
Всего того, что нам смертельно жаль* [Терапиано 1961: 140].

Дискуссия между Ю. Терапиано, утверждающим, что, сравнивая две версии, «читатель сам увидит, насколько переработанная совершеннее и законченнее» [Терапиано 1961: 137], и В. Крейдом, полагающим, что последнее четверостишие «начисто» лишено «прелестной музыки первой версии» [Крейд 2007: 60], выходит за рамки обозначенной нами темы, поэтому, не продолжая ее, отметим, однако, что в новой версии акцент перемещается на лексему «смертельно», отсылая — в свою очередь — к заключительной строке стихотворения Одоевцевой «Январская луна. Огромный снежный сад...» («Я вспомню **умирая**»), обнажая взаимовлияние, которое испытывали поэты.

Сказывается оно и в переключке между другим ивановским стихотворением — «Как осуждённые, потерянные души» (1924), — также содержащим рассматриваемую перифразу, и словами Одоевцевой из предисловия к мемуарам, в которых она предполагает «окунуться в те трагические, страшные и прекрасные, несмотря на все ужасы, первые пореволюционные годы» [Одоевцева 1988: 11]. На антитезе, лежащей в основе этой сентенции о «**страшных и прекрасных годах**», строится и поэтическое «припоминание» «чудного Петербурга» Иванова: «Как были **счастливы**, как были мы **несчастливы** / В туманном городе **на берегу Невы**».

Важно отметить, что Одоевцева в названии своих воспоминаний, в эпиграфе, в предисловии и в заключении использует перифразу не в ивановской версии («на **берегу**»), не в пушкинском книжном звучании с неполногласной лексемой («на **брегах**»), а в полногласном («на **берегах**»), делая ее более светской и расширяя не только пространство города, но и литературный контекст.

Таким образом автор воспоминаний отсылает читателя к большему количеству поэтических произведений, в совокупности образующих *петербургский текст* русской литературы. Комментатор книги «На берегах Невы», обратившись к интернет-ресурсу «Национальный корпус русского языка» («Поэтический корпус»), находит всего пять релевантных примеров употребления сочетания «на **берегу Невы**» отечественными стихотворцами (в двух стихотворениях Иванова, в двух — Мандельштама и в поэме Некрасова), а с учетом других форм значительно больше: девять случаев использования сочетания «на **берегах Невы**» (в стихотворениях А. Ладинского, К. Вагинова, З. Гиппиус, Вл. Соловьёва, А. К. Толстого, К. Павловой,

П. Плетнёва, А. Востокова и Г. Державина) и еще семь — «на *берегах Невы*» (в поэтических произведениях В. Маяковского, К. Вагинова, А. Пушкина (трижды, см. выше), И. Крылова и А. Сумарокова) [НКРЯ].

Среди всех этих текстов для Одоевцевой наиболее актуальными представляются такие, как «Кассандре» (1917) О. Э. Мандельштама, адресованное А. А. Ахматовой, эмигрантская «Элегия» (1933) А. П. Ладинского («И только голос лиры / К тебе из синевы, / И только город сирий / *На берегах Невы*») и «14 декабря 1918 года» З. Н. Гиппиус о декабристах («Минули годы, годы, годы... / А мы все там, где были вы. / Смотрите, первенцы свободы: / Мороз на *берегах Невы!*»), в которых прослеживается то же преклонение пред Петербургом, воспоминания о нем и людях, связанных с ним одной судьбой.

В стихотворении О. Э. Мандельштама «Кассандре» (1917) идейно и композиционно важны контрасты «будущее — прошлое», «счастье — страдание», «потери — приобретения», «свет — тьма», «город — природа», разделяющие пространство текста на две части: жизнь в Петербурге до 1917 года и после революции. Петербургский текст создается пересечением многочисленных семантических полей: «время, жизнь» (*цветущие мгновенья, семнадцатый год, жизнь, сто лет тому назад*), «человек» (*губы, глаза, голова, народ, один — другой, скифский, человек*), «страдание» (*мучат, омерзительный, бред, безрукая, зачумлённая, больная*), «христианство» (*торжественное бдение*), «любовь» (*любя, полюбил*), «праздник» (*шалый праздник, бал*), «Петербург» (*столица, на берегу Невы, высокие дома, площадь с броневиками*), «потеря» (*потеряли, ограблен, ограбить, закон*), «свет» (*горящие, сиять, солнце*), «звук» (*звуки, тихая*), «память» (*воспоминанья*), «античная история» (*Кассандра, Александр*), «приобретения» (*победа, свобода, равенство, искал*), «вода» (*Нева, корабельный*), «природа» (*лес, волки, солнце*), «зима» (*декабрь, зима*). Мотив предопределенности человеческой жизни, неизбежности судьбы определяет появление античных образов. Оксюморон «безрукая победа» может трактоваться двояко: как образ изломанной статуи греческой богини и как образ восстания, принесшего страдания и смерть; введение личных имен — *Кассандры* (как заголовочного слова текста и как обращения в составе первой и последней строф, участвующих в кольцевом строении текста), предвещающей несчастье, и *Александра* («сияло солнце Александра» (Македонского)), на пике славы всё сметающего на своем пути, отсылает читателя к греко-римской истории и мифологии. По мысли автора, который, подобно Кассандре, предсказывает несчастье родному городу, вещающий правду обречен на расправу:

*Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике, на берегу Невы —
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы.*

Не случайно в цитируемом лозунге французской революции слово «братство» заменено на «закон», что в окружении лексем «волки», «потеряли», «ограблен», «броневиками» создает контекстуальную иронию «закон» — ‘беззаконие’, подчёркнутую ассонансом на [а] и [о]:

*На площади с броневиками
Я вижу человека — он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон.*

Семантика «петербургского текста» обуславливается не только аллюзией ‘античность’ — архитектура города (*шалая столица, площадь, высокие дома*), но и символикой: образами зимы (холода), воды (Невы), священнослужений (*торжественное бдение*), мореплавания (*корабельный лес*), жестокости, поругания и распущенности (*скифский праздник, омерзительный бал, сорвут платок с прекрасной головы, больная Кассандра*), болезни и сумасшествия (*жизнь — необходимость бреда*).

Античные образы — неотъемлемый элемент архитектоники текста в стихотворении А. П. Ладинского «Элегия» (1933). Образы богини Афины Паллады, величия и падения Римской империи порождают контрасты прошлого и настоящего (Рим — Петербург), приобретений и потерь (*горькая слава — расставанья час*):

*Я с горькой славой Рима
Судьбу твою сравнил.
Я ледяные зимы
Палладе посвятил.*

Паллада — это и имя Богдановой-Бельской, куртизанки, салон которой пользовался успехом у петербургского демимонда. Введение этого имени собственного в «античный» контекст создает двоякое прочтение первой строфы элегии: возможно, лирический герой вспоминает зимние вечера, проведенные в литературно-музыкальном салоне этой женщины, которой посвятили стихи Вс. Князев, И. Северянин, Н. Гумилёв, А. Ахматова, Г. Иванов и мн. др.

Семантическое пространство города образовано пересечением полей «Петербург» (*колонны, город сирый, на берегах Невы*), «зима» (*ледяные зимы, сугробы*), «природа» (*лес, синева, небесные*), «вода» (*дожди, Нева, слезы, снег*), античная история (*Рим, Паллада, колонны*), «приобретения» (*слава*), «судьба» (*судьба, гроб, сон, метаморфоза, мир*), «страдание» (*слезы, расставанье, горькая*), «человек» (*глаза*), «звук» (*голос лиры, плач*).

Образы судьбы и смерти, страдания приобретают необычную трактовку у Ладинского: город восстает из снега, бросая вызов законам природы.

Возникшая оппозиция «город — природа» определяет введение анафоры, метафоры и сравнения:

*Наперекор сугробам
Там вырос мир колонн,
Как странный лес за гробом,
Как непонятный сон.*

Звуковая, визуальная и тактильная семантика текста усилена введением анафоры вкупе с ассонансом на [o]:

*И только голос лиры
К тебе из синевы,
И только город сырый
На берегах Невы.*

*И только слёзы, слёзы
Твоих небесных глаз,
Твои метаморфозы
И расставанья глас.*

Контрастам и оппозициям отведена важная роль и в стихотворении З. Н. Гиппиус «14 декабря 1918 года». Скрытые временные параллели проводятся между восстанием декабристов 1825 года и революционными событиями 1917 года. Так же, как в произведениях Мандельштама и Ладинского, образ Петербурга выстраивается языковыми и стилистическими приемами.

За счет лексических и семантических контрастов «страдание — звук — судьба», «воспоминания — реальность», «жизнь — смерть», «время — безвременье», «счастье — страдание», «холод — свет», «декабристы — потомки» вкупе с превалирующими нисходяще-восходящими интонациями создается риторичность и торжественность «петербургского текста». Тема города и человека в нем возникает на пересечении таких семантических полей, как «время» (*прошло, нет возврата, день, в первый раз, годы, минули, годовщина, восемьдесят лет, начатое*), «зима» (*морозный, мороз, декабрьский*), «Петербург» (*площадь, сенат, ступени, Зимний, крыльцо, на берегах Невы*), «жизнь» (*оживем*), «движение» (*сошлись, идут, сойдите, несли, пойдём*), «счастье» (*упованье, трепещут, вино*), «любовь» (*любовь, милые*), «военная обязанность» (*мундирная, подвиг*), «восстание» (*кровь, свобода, освободительный*), «свет» (*погашен, костер, ослепительный*), «человек» (*сердце, первенцы, дети, внуки, стопы*), «судьба» (*могилы, тени милые, смертные долины, свершить суждено*), «страдание» (*корчимся в муке, всё меньше сил, страшных, режущее-остер*), «звук» (*зовем*), «память» (*завет, не забыли, лелеяли, хранили*).

Вуалируя параллели между восстанием декабристов и октябрьской революцией, Гиппиус подчеркивает чувство вины потомков, чувствующих бессилие перед историческими переменами.

*Мы — ваши дети, ваши внуки...
У неоправданных могил,
Мы корчимся всё в той же муке,
И с каждым днём всё меньше сил.*

Это чувство бессилия нагнетается введением лексем с температурно-тактильной семантикой (*морозный день, трепещут жадные сердца, подвиг режущее-остер, погашен, кровью, костёр, мороз на берегах Невы, декабрьской, дыханьем, вино*), вступающих в контрастирующие отношения.

Если в произведениях Мандельштама и Ладинского семантика незыблемого и вечного города связана не только с потерями, но и с приобретениями, не только с каменной архитектурой, но и с водной стихией, а также выстраивается через античную символику и через оппозицию города природе, то у Гиппиус городской текст неразрывно связан с движением, с мотивами счастья и человеческих страстей, военной обязанностью. В то же время все три «петербургских текста» роднит наличие семантических полей «время», «человек», «страдание», «звук», «зима/холод». С лейтмотивами памяти, жизни, любви, света, потерь неразрывны тексты Мандельштама и Гиппиус, в то время как Ладинского роднит с Гиппиус только тема судьбы и смерти.

Контрасты «жизнь — смерть», «счастье — страдание», распад жизни на фазы «до и после» превалируют у Мандельштама и Гиппиус, тогда как Мандельштама с Ладинским сближает оппозиция «город — природа», «потери — приобретения».

Совпадение временных планов (прошлое — настоящее) отмечается в произведениях Ладинского и Гиппиус, модальных (реальных и ирреальных) — у Мандельштама и Гиппиус; у Мандельштама же прошлое противопоставлено будущему, а у Ладинского действие представлено только в реальной модальности.

Интонационный рисунок текстов Гиппиус и Мандельштама носит восходяще-нисходящий характер во всех строфах, кроме последней, которая увенчана восходящими интонациями; мелодика текста Ладинского единообразна.

Все три стихотворения написаны ямбом с пиррихиями⁶: у Мандельштама — разносложным, у Ладинского — трехсложным, у Гиппиус — четырехсложным. В основе эвфонии⁷ всех трех стихотворений лежат

⁶ Пиррихий — стопа, состоящая из двух безударных слогов.

⁷ Эвфония, или благозвучие, — качество некоторых звуков или их сочетаний, делающее их приятными для произнесения.

ассонансные⁸ и аллитеративные⁹ инкрустации на [o], [a] и [p], наиболее отшлифованные в тексте Ладинского и наименее тщательно отделанные Гиппиус.

Итак, город, воздвигнутый «*на берегах Невы*», вечен, незыблем, холоден, молчалив, равнодушен к человеку, которому причиняет страдания. Он и источник счастья, искания, «упования», и символ несбывшихся надежд и бесплодных мечтаний. Для Ирины Одоевцевой же Петербург — островок счастья, оставленного на родине.

В преамбуле к своей книге мемуаристка обращалась к читателю: «Я пишу эти воспоминания с тайной надеждой, что вы, мои читатели, полюбите как живых тех, о ком я вспоминаю. Полюбите их, воскресите их в своей памяти и в сердцах. И тем самым подарите им бессмертие. Вы, мои современники, и вы, те, кто будет читать, — я и на это самоуверенно надеюсь — “*На берегах Невы*”, когда меня уже давно не будет на свете» [Одоевцева 1988: 13].

Ахматовой, Мандельштаму, Гиппиус и многим другим поэтам Серебряного века посвящено много увлекательных страниц в мемуарах Одоевцевой, но столь же значительным героем воспоминаний предстает сам город. Слова П. А. Плетнёва из стихотворения «К моей родине. Элегия» (1820), в которых «родимый край» («Немой моей мечты прибежище и рай») влечет поэта: «С каким бы восхищеньем, / Заботы бросив все *на берегах Невы*, / Домашним образам я поклонился», — перекликаются со словами, заключающими первую книгу мемуаров Одоевцевой: «Нет, я чувствую, я знаю, такой счастливой, как здесь, *на берегах Невы*, я уже никогда и нигде не буду» [Одоевцева 1988: 313].

Таким образом, перифраза «*на берегах Невы*» становится своеобразным маркером, выявляющим в *петербургском тексте* русской литературы те произведения, мотивы и образы которых помогают Одоевцевой воссоздать атмосферу культурной столицы, вбирающей в себя все эпохи города, меняющегося и одновременно неизменного.

Источники

Иванов Г. Собр. соч.: в 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. Е. В. Витковского; коммент. Г. И. Мосешвили. М.: Согласие, 1993. Т. 1. 656 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 02.05.2022).

⁸ Ассонанс — прием звуковой организации текста, особенно стихотворного: повторение гласных звуков.

⁹ Аллитерация — повторение одинаковых или однородных согласных в стихотворении, придающее ему особую звуковую выразительность.

Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары / Вступ. статья К. Кедрова; Послесл. А. Сабова. М.: Худож. лит., 1988. 334 с.

Пушкин А. С. Евгений Онегин. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 4. 520 с.

Пушкин А. С. Стихотворения 1825–1836. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. 688 с.

Терапиано Ю. Варианты стихотворений Георгия Иванова (Первое стихотворение — прежний текст, второе — измененный автором) // Мосты. Мюнхен, 1961. № 6. С. 133–145.

Литература

Калинкин В. М. Поэтонимологическое: заметки, комментарии, примечания // Восточно-славянская филология. Сер. Языкознание. Горловка: Издательство ОО ВПО «ГІІІЯ», 2018. С. 3–7.

Крейд В. П. Георгий Иванов. Москва: Молодая гвардия, 2007. 30 [2] с.

Лекманов О. А. «Жизнь прошла. А молодость длится...» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» / Олег Лекманов; под общ. ред. Н. А. Богомолова. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 864 с.

Радашкевич А. Публицистика. Ирина Одоевцева. На берегах Леты // Русская мысль. Париж, 1990. № 3852 [Электронный ресурс]. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_74.html (дата обращения: 02.05.2022).

References

Kalinkin V. M. [Poetonymological: notes, comments, notes]. Vostochnoslavjanskaya filologiya. Ser. Linguistics. Gorlovka, OO VPO "GIJJa" Publ., 2018, pp. 3–7. (In Russ.)

Krejd V. P. *Georgii Ivanov* [Georgy Ivanov]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2007. 30 [2] p.

Lekmanov O. A. "Zhizn' proshla. A molodost' dlitsya..." *Putevoditel' po knige Iriny Odoevcevoi "Na beregah Nevy"* ["Life has passed. And youth lasts ..."] A guide to the book by Irina Odoevtseva "On the banks of the Neva", Oleg Lekmanov; ed. by N. A. Bogomolov. Moscow, AST Publ., Redakcija Eleny Shubinoj, 2020. 864 p.

Radashkevich A. [Journalism. Irina Odoevtseva. On the shores of Lethe]. Russkaja mysl'. Paris, 1990. No. 3852. (In Russ.) Available at: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_74.html (accessed 02.05.2022).